
Карлинское общество трезвости.

Седьмого декабря 1908 г. при Покровской церкви села Карлинскаго, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской епархіи, было открыто общество трезвости. Прошелъ годъ. Явилась необхо-

димось учесть плоды его дѣятельности; въ пытливомъ умѣ за-
родились неотвязные вопросы: что пользы принесло это общество,
обновило ли оно приходскую жизнь и, если не могло обновить
его радикально, то внесло ли какую нибудь освѣжающую струю
въ непробудную деревенскую спячку?

Трудно быть судьей своего собственнаго дѣла, преступно
восхвалять свои труды, хотя бы они отдавались и на пользу
родного деревенскаго люда, и потому я не берусь говорить о
размѣрѣ той нравственной пользы, какая ожидалась отъ этого
благого начинанія. Но я буду говорить, я буду съ чувствомъ
сердечнаго умиленія вспоминать о тѣхъ незабвенныхъ минутахъ,
о тѣхъ святыхъ восторгахъ, какіе выпали на долю мою и мо-
ихъ первыхъ трезвенниковъ при открытіи нашего общества трез-
вости, и нѣкоторыхъ моментахъ его короткаго существованія.

Я видѣлъ, что трезвость есть первое и необходимое усло-
віе успѣшнаго пастырскаго дѣланія и что пьянство—не только
болѣзнь нашего роднаго народа, но и вообще міровое зло, въ
пламени котораго сгораютъ живыя человѣческія души, погибая
для царства Божія... Свѣтлый образъ почившаго „апостола трез-
вости“ о. Александра Рождественскаго вдохновилъ меня на это
дѣло; у гробницы преп. Сергія въ Сергіевой лаврѣ давши обѣтъ
своей собственной абсолютной трезвости, я молился и просилъ
преподобнаго благословить меня на этотъ подвигъ и, вернувшись
въ приходъ, заговорилъ объ обществѣ трезвости. Это названіе
было на первыхъ порахъ однимъ звукомъ, ни смысла, ни значенія
котораго никто не представлялъ. Церковная проповѣдь, внѣбо-
гослужебныя собесѣдованія, частные разговоры помогли мнѣ вы-
яснить и внѣдрить въ сознаніе моихъ прихожанъ понятіе объ
обществѣ трезвости и его благой цѣли. Приближался престоль-
ный праздникъ въ нашемъ приходѣ (6 декабря). А кому не из-
вѣстно, какъ проводятся въ деревнѣ дни престольныхъ праздни-
ковъ? Всѣ безобразія, всѣ безчинства, на какія только способенъ
русскій человѣкъ,—все это позорной чередой проходитъ на яр-
комъ фонѣ престольно-праздничныхъ дней. Мнѣ казалось, что
почва для новаго дѣла готова, и въ самый день престольнаго
праздника я сдѣлалъ послѣдній рѣшительный шагъ, пригласивши
въ своей рѣчи прямо къ открытію давно желаннаго общества
трезвости. Я говорилъ: „день престольнаго праздника всегда бы-
ваетъ въ нашей жизни днемъ радости, днемъ утѣшенія и днемъ
отдыха отъ обыкновенныхъ нашихъ трудовъ и заботъ. Пріятно

и отраднo видѣть въ этотъ день въ храмѣ такое большое число молящихся, отраднo и привѣтствовать свою дорогую паству, собравшуюся сюда на духовный пирь, на пирь нашей вѣры, на наше радостное церковное собраніе. На этотъ радостный пирь насъ пригласилъ не простой человѣкъ, даже не ангелъ небесный, а Самъ Царь царей, Самъ Владыка вселенной. На праздничной трапезѣ Своей Онъ предложилъ намъ „хлѣбъ небесный“, питіемъ же Его намъ была „чаша жизни“, вкушая которыхъ мы видѣли, какъ благъ и добръ Хозяинъ этого духовнаго пира. Радуясь, мы пѣли церковныя пѣсни и, благодаря Его, мы возносили Ему хвалебные гимны. Какъ хорошо, какъ прекрасно—трогательно было это торжество, какъ радовалась душа, чувствуя свое общеніе съ Богомъ, какъ восторженно билось сердце! Въ молитвенномъ восторгѣ мы забыли всякое житейское попеченіе!.. Но мы, возлюб., надолго ли удержимъ въ себѣ эти, только что пережитыя нами святыя чувства? Надолго ли мы „отложили всякое житейское попеченіе“? --Нѣтъ, не надолго... Сейчасъ мы разойдемся по домамъ и тамъ встрѣтимъ не только обычную житейскую суету, но хуже того: мы бросимся въ объятія праздничному разгулу и обычной праздничной безпечности и лѣни. Такъ велось у насъ искони; такъ шумно, пьяно и весело проводили престольные праздники наши дѣды и отцы, такъ проводимъ святыя дни и мы, никогда не задаваясь вопросомъ: хорошо ли, по человѣчески ли, по христіански ли проходить у насъ эти и подобные дни? Справедливость требуетъ сказать, что никогда мы не предаемся большому невоздержанію и необузданности, какъ въ дни престольныхъ праздниковъ. Шумная бесѣда, непристойная рѣчь, пьяная ссора,—все это составляетъ обычное украшеніе нашихъ праздниковъ. Да и вообще тяжело и грустно описывать картину препровожденія у насъ праздничныхъ дней: такъ много непристойнаго, такъ много непозволительно-грубаго творится у насъ, что, по слову апостола, „срамно есть и глаголати“... И все это зло, вся эта некрасивая картина нашего поведенія въ дни святыхъ праздниковъ происходитъ отъ одного источника, отъ одной извѣстной причины, которой имя—пьянство. Правда, всѣ мы сознаемъ гибельность пьянства и страшный вредъ его послѣдствій, но въ насъ не достаетъ рѣшимости вступить въ борьбу съ этимъ зломъ. Мы такъ привыкли къ нему, что провести, на примѣръ, престольный праздникъ безъ вина, или отпраздновать свадьбу безъ этого одуря-

ющаго напитка мы и представить себѣ не можемъ. Но между тѣмъ это не только возможно, но и должно: этого требуетъ наше высокое христіанское званіе; отъ пьянства грозно предостерегаетъ насъ и свв. апостоловъ, говоря, что пьяницамъ закрыты двери райскаго блаженства, что „пьяницы царства Божія не наслѣдуютъ“. И вотъ въ настоящій торжественный и святой день нашего престольнаго праздника, я, вашъ недостойный пастырь, вышелъ умолять васъ, возлюбленные мои, о новой, лучшей, трезвой жизни, необходимой для спасенія нашихъ душъ. До тѣхъ поръ, пока мы не начнемъ борьбы съ нашими грѣховными привычками, онѣ все равно будутъ бороть насъ, одолѣвать и вести къ краю гибели. Пока мы не объявимъ борьбы нашей нетрезвости и нашему праздничному разгулу, до тѣхъ поръ бѣсъ пьянства будетъ владѣть нами и туманить наши головы въ дни святыхъ праздниковъ. Нѣтъ, да не будетъ этого!.. Оставимъ нетрезвость, возненавидимъ разгулъ, объявимъ войну праздничному безчинству, и жизнь наша, спокойная, трезвая, чистая будетъ примѣромъ для людей и радостью для ангеловъ. Но хорошо, съ одной стороны, говорить слова, и трудно бываетъ приняться за дѣло. Такъ въ большинствѣ у насъ и происходитъ: бываемъ въ храмѣ, слушаемъ поученія, вздыхаемъ, иногда даже слезы показываются на нашихъ глазахъ, но это только въ храмѣ. По приходѣ же домой, снова—за прежнее; снова міръ со своей суетой запутываетъ насъ въ свои сѣти, и мы снова безсильно и безвольно отдаемъ во власть грѣха. Такъ будетъ, навѣрно, и въ настоящій разъ: вотъ говорили мы о трезвости, о достойномъ провозженіи нашихъ праздниковъ, но, по всей вѣроятности, и нынѣшній правдникъ пройдетъ, какъ и тысячи подобныхъ ему... Но на сей разъ мнѣ не хотѣлось бы ограничиться только словомъ, но хотѣлось бы самымъ дѣломъ побороться за трезвость, за исправленіе нашей жизни. И вотъ для этой цѣли Богъ вложилъ мнѣ мысль открыть здѣсь общество трезвости, какое, съ благословенія Божія, я и намѣренъ открыть завтрашній день (7 дек.) въ этомъ святомъ храмѣ. Завтра, часу во второмъ дня, колоколь возвѣститъ вамъ, что здѣсь зарождается разумное, доброе дѣло борьбы съ народнымъ пьянствомъ, съ этимъ ненавистнымъ недугомъ, который не мало повысушилъ крови народной и заставилъ пролить много-много безутѣшныхъ слезъ. Я буду ждать, что церковный благовѣстъ не замретъ безъ отвѣта въ нашей вѣси Карлинской, и на его зовъ соберетесь вы всѣ: муж-

чины и женщины, пьющие и непьющие, однимъ словомъ — всѣ, сочувствующіе народной трезвости и заботящіеся о благѣ народномъ. Здѣсь мы помолимся Господу Богу и предъ св. Его престомъ и евангеліемъ дадимъ обѣщаніе не пить ничего хмѣльнаго: кто на всю жизнь, кто на одинъ только годъ... Мнѣ думается, что съ радостію встрѣтятся вами это мое доброе начинаніе, такъ какъ я увѣренъ, что русскій народъ, какъ бы глубоко ни падалъ, до какой-бы грѣховной грязи себя ни доводилъ, все-же тоскуетъ по Божіей правдѣ, по честной трезвой жизни, по жизни „по-Божьему“. Итакъ, идемъ же, возлюб., на святую борьбу, украсимъ себя честнымъ и почетнымъ названіемъ трезвенниковъ, а наши имена, какъ имена воиновъ, сражающихся за трезвость, будутъ за каждой праздничной литургіей поминаться у св. престола. Жду, вѣрю, что не замретъ мой призывъ среди васъ безъ отвѣта, и завтра, по зову колокола, вы поспѣшите сюда на открытіе общества трезвости.“ (Поученіе, произн. 6 декабря 1908 г.).

Тревожно занялась для меня заря слѣдующаго за этимъ призывомъ дня. А что, думалось мнѣ, если этотъ мой призывъ останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Что будетъ со мной и съ моими мечтами объ обществѣ трезвости, если не откликъ, а хохотъ будетъ отвѣтомъ на мое приглашеніе? Я волновался, страдалъ, будучи подавленъ неизвѣстностью надвигающагося. Но слава и благодареніе Господу Богу! Случилось то, что превзошло даже мои ожиданія: по звону колокола собралась въ храмъ большая толпа народа, хоръ учениковъ второклассной школы прекрасно пропѣлъ молебень св. Николаю и пр. Сергію (небеснымъ покровителямъ общества трезвости), было произнесено установленное клятвенное обѣщаніе, и ко кресту и евангелію подошло 105 человекъ крестьянъ. Всѣхъ охватило какое то радостное, праздничное настроеніе, привѣтствовали меня, привѣтствовали другъ друга. Признаюсь, это была одна изъ счастливейшихъ минутъ моей жизни. Начало, такимъ образомъ, было положено. Но я сознавалъ, что заря новой жизни только еще начинается, свѣтлый день еще далеко впереди. Я хорошо понималъ, что новые трезвенники нуждаются въ руководствѣ, въ укрѣпленіи ихъ на новомъ пути: они, какъ начинающія ходить дѣти, еще неуравновѣшены, неустойчивы, и имъ необходимо нужно было внушить, какой важный обѣтъ дали они. Большую услугу въ этомъ случаѣ оказали мнѣ книжечки и брошюрки,

выписанныя изъ склада Александрo-Невскаго общества трезвости въ С.-П.-гѣ. Содержаніе ихъ, вполне доступное для народа, било какъ разъ въ намѣченную цѣль и помогало, такимъ образомъ, популяризовать идею трезвости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Съ церковной кафедрѣ я не переставалъ внѣдрять эту идею моимъ прихожанамъ съ особенной настойчивостью, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступающаго великаго праздника Рождества Христова, когда большое стеченіе народа въ храмъ дастъ мнѣ возможность высказаться по животрепещущему вопросу съ большей увѣренностью и обстоятельностью. Такъ и случилось. Я воспользовался рождественской темой о мирѣ на землѣ для того, чтобы сказать въ своей проповѣди, что миръ на землѣ достигается мирнымъ, трезвымъ и нравственнымъ поведеніемъ „Надо утвердиться на нашемъ пути трезвости, говорилъ я, надо уклоняться отъ всѣхъ соблазновъ къ нетрезвости, какіе могутъ встрѣчаться, надо заполнить свой досугъ трезвымъ хорошимъ чтеніемъ, надо хорошую книгу сдѣлать своимъ другомъ, своимъ собесѣдникомъ. Мужайтесь же и крѣпитесь, мои дорогіе трезвенники! Наше дѣло высокое, наша борьба святая и похвальная. Пусть же родившійся Спаситель поможетъ намъ въ нашей новой и трезвой жизни, пусть укрѣпитъ насъ въ ней и пошлетъ намъ тотъ „миръ и благоволеніе,“ о которомъ пѣли ангелы въ ночь Его святого рожденія. (Слово на Рожд. Хр. 1908 г.).

Такимъ образомъ, желанная мечта осуществилась, общество трезвости было открыто, идея трезвости сдѣлалась (въ то время) доминирующей и въ церковной проповѣди, и во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, и въ частныхъ разговорахъ. Термины: „общество трезвости“, „трезвенникъ“ стали ходячими среди населенія. Закипѣла святая работа, коснулось слово живое струнь народнаго сердца, и начали онѣ долго и гармонично звучать, заглушая святыми звуками неба грѣшныя пѣсни земли... Записавшіеся трезвенники строго хранили свои обѣты, а было особенно важно то, что между ними было нѣсколько лицъ, которыхъ почти каждый день прежде можно было видѣть выпившими, а каждый базарный день—непрѣменно валяющимися подъ заборомъ. Они то и создали популяриность обществу трезвости, на нихъ то, какъ на наглядныхъ примѣрахъ, скептики увидѣли, что вновь основанное дѣло не есть какая-нибудь досужая выдумка, а дѣло, благіе результаты котораго являются для всѣхъ очевидными. Для всѣхъ было необыкновенно трогательно наблю-

дать, какъ эти „бывшіе люди“ какъ бы переродились, совлеклись своего „ветхаго“ пьянаго человѣка и облеклись въ новаго, трезваго, благообразнаго. Ихъ видѣли въ церкви, чинно простаивавшими церковныя службы, чего раньше не было. Ихъ видѣли у Св. Таинъ исповѣди и причастія, тогда какъ до того времени они цѣлые годы не исполняли этого христіанскаго долга. По праздничнымъ вечерамъ ихъ видѣли мирно бесѣдующими у своего домика со своими семействами, тогда какъ въ прежнее время эти семейные разбѣгались кто куда, завидѣвъ своего отца, въ буйнопьяномъ видѣ возвращающагося къ семейному очагу.

Среди видныхъ представителей общества трезвости стало высказываться желаніе придать обществу правильную организацію, санкціонированную епархіальной властью. Былъ составленъ уставъ и представленъ на утвержденіе начальства. Указомъ Симв. Дух. Консистоіи отъ 19 марта 1909 г. за № 3646 общество трезвости официально признано открытымъ, и копія его устава за надлежащимъ подписомъ была возвращена обществу. Десятый пунктъ этого устава предписывалъ обществу, чтобы дѣлами его управлялъ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, изъ 5 членовъ общества, избираемыхъ на общемъ собраніи. И вотъ, 12 апрѣля общее собраніе трезвенниковъ впервые собралось для избранія членовъ совѣта, и на этомъ же собраніи былъ поднятъ вопросъ о томъ, чѣмъ бы ознаменовать открытіе общества, и тутъ-же рѣшено было приобрести въ храмъ икону-хоругвь, съ изображеніемъ на ней небесныхъ покровителей—св. Николая и пр. Сергія—и съ соотвѣтствующей надписью на ней. Благодаря добровольнымъ пожертвованіемъ трезвенниковъ и другихъ добрыхъ людей, скоро образовалась сумма въ 200 руб. и на эти деньги была приобретена прекрасная металлическая вызолоченная (съ эмалью) хоругвь съ изящной пропильной надписью: „Въ память открытія Карлинскаго общества трезвости. 1908 г.“ День освященія этой хоругви былъ настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ для трезвенниковъ.

Въ храмѣ собралось много народа: тутъ были и трезвенники, и просто молящіеся, и даже раскольники со своимъ настоятелемъ, пришедшіе поинтересоваться происходящимъ. Эти послѣдніе далеко не сочувственно и не дружелюбно посматривали на совершающееся предъ ихъ глазами. Укоры въ пьянствѣ и въ происходящихъ отъ него порокахъ—это ихъ обычные укоры по адресу какъ духовенства православнаго, такъ и мірянъ. А

тутъ вдругъ видятъ они праздникъ во имя трезвости, огромную толпу, собравшуюся на освященіе иконы-хоругви,—этого священнаго знамени сплотившейся трезвеннической рати. Но насколько сильно кипѣли чувства досады, ненависти и злобы въ сердцахъ раскольниковъ, настолько тепло, торжественно и от-раднo было въ нашихъ сердцахъ. Подъемъ духа былъ, кажется, выше даже, чѣмъ при открытіи общества, потому что дѣло трезвости за это время ушло далеко впередъ, общество приоб-рѣло много новыхъ членовъ и заняло себѣ почетное мѣсто въ сознаніи прихожанъ. Хоругвь была поставлена въ храмъ на почетное мѣсто, впереди ея—аналой съ крестомъ и евангеліемъ и подсвѣчникъ съ негасимой лампадой. Это мѣсто и до сихъ поръ окружено ореоломъ особаго почитанія трезвенниковъ: на подсвѣчникѣ въ праздничный день всегда можно видѣть свѣчи, поставленныя ихъ благодарной рукою, а предъ аналоемъ новые трезвенники приносятъ свой торжественный трезвеннической объѣтъ. Но не остановилась религіозная мысль трезвенниковъ на сооруженіи одной только этой хоругви. На одномъ трезвенни-ческомъ собраніи мной былъ поставленъ вопросъ о желательности приобрѣтенія иконы покровителя нашего общества трезвости— пр. Сергія Радонеж., такъ какъ его иконы въ храмѣ нѣтъ, кромѣ изображенія на обратной сторонѣ хоругви. Предложеніе было съ восторгомъ принято, и въ короткій срокъ на этотъ предметъ было собрано до 80 руб., въ каковую сумму и заказана была икона въ Троице-Сергіевской лаврѣ съ непремѣннымъ условіемъ освященія ея на св. мощахъ препод. Сергія. Это будетъ наша новая драгоценная святыня, предъ которой мы въ чувствѣ сердечнаго умиленія будемъ преклонять свои колѣна и просить небесной помощи въ нашей святой и благородной борьбѣ за трезвость. День прибытія къ намъ этой святыни мы, какъ со-бытіе необыкновенной важности, занесемъ въ лѣтопись нашей трезвеннической жизни.

Итакъ, подводя итоги всему вышесказанному, еще разъ повторю, что количество трезвенниковъ, начавшись со 105 чело-вѣкъ, постепенно въ теченіе года возрастало и къ концу первой своей годовщины достигло до 175 чел. „175 чело-вѣкъ“, скажемъ мы словами московскаго святителя,—это не много, если мы представимъ себѣ, сколько народу страдаетъ у насъ отъ пьянства. Но этого довольно и не мало, если мы посмотримъ на это при свѣтѣ словъ: „кто обратитъ хотя одного грѣшника

отъ его заблужденія, тотъ спасеть его душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ. „175 человѣкъ“—это не много, приобилии у насъ страдающихъ отъ алкоголя, но совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить насъ, что Господь не оставляетъ безъ благословенія труды нашего юнаго общества и тѣмъ поощряетъ насъ къ борьбѣ съ исконнымъ и опаснымъ нашимъ врагомъ.“ (Церк. Вѣд. 1909 г., № 43-й, стр. 2004).

Итакъ, съ полной увѣренностью можно сказать, что открытое общество трезвости—большой шагъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія нравственной жизни прихода. Правда, наша приходская жизнь еще далека отъ совершенства, многое еще въ ней надо улучшить, много еще въ ней надо искоренить зла, пороковъ и неправды. Но слава Богу и за то, что хотя и медленными шагами, но улучшение началось, жажда и стремленіе къ доброй христіанской жизни проснулось.

Священникъ *Сергій Петровскій*.

Внемли себѣ.

Говорятъ и пишутъ много о томъ, что не стало нынѣ той ревности къ церкви Божіей, какая была встарину, не только въ интеллигенціи, но и въ простомъ народѣ. Много выставялось причинъ этого. Но не падаетъ ли вина въ этомъ отчасти на духовенство? Правда, священники во множествѣ говорятъ въ церквахъ проповѣди, ведутъ и внѣбогослужебныя бесѣды съ народомъ, но невѣріе, отступничество и пороки не прекращаются. Отчего это?—Оттого, что проповѣди ихъ и бесѣды (говорится, конечно, не обо всѣхъ) не проникнуты искренностью, ведутся только въ силу необходимости, по предписанію свыше: слово ихъ расходится съ дѣломъ. Объясню это примѣромъ. Вотъ насталь престольный праздникъ. Священникъ сказалъ прекрасное слово о воздержаніи отъ пьянства. Но въ тотъ же день къ вечеру съѣзжаются къ нему гости. Слышатся граммофонъ, піанино, скрипки и т. п. Заводятся свѣтскія пѣсни, танцы, денежная игра въ карты. Приходитъ время ужина. Появляется на столѣ батарея бутылокъ съ закусками не малой стоимости. Все дѣлается, какъ будто, благообразно, по чину. Но въ окнахъ много зрителей изъ деревенской молодежи. Какъ то они взглянуть на праздникъ въ домѣ священника, а главное—ихъ родители? Не